

ГЛАВА 1

Отложив папку с документами на край стола, командир десантного батальона майор Лавров поднялся. Пальцы онемели от писанины. Взяв из ящика письменного стола пачку сигарет, закурил. В пепельницу полетела обгоревшая спичка. Окно в кабинет было приоткрыто, легкий ветер равномерно колыхал белые занавески. Настенные часы пробили ровно двенадцать.

«Каждая проверка — это минимум два года жизни, — вспомнились Лаврову слова его заместителя старлея Барханова, — легче уцелеть при ядерном взрыве, чем во время проведения инспекции».

Комбат отдернул занавеску, облокотился на подоконник и выглянул на улицу.

Из окна кабинета майора Лаврова открывался вид на военный городок. Несколько казарм с металлическими крышами, бликовавшими на позднем осеннем солнце. Аэродром авиабазы, где в дымке проступали огромные туши самолетов «Ил-76». Взвод десантников совершал пробежку. Вдалеке тянулась змейка бетонного забора, выкрашенного в белый цвет. Комбат, которого подчиненные иногда за глаза любовно называли Батяней, привык к этому унылому пейзажу, любил так, как можно любить родные стены. Его он

мог представить с закрытыми глазами, оказавшись в любой точке мира, и не ошибся бы, обрисовал бы каждую мелочь, малозначительную детальку.

Дверь в коридоре хлопнула, и до ушей майора донесся резкий, командирский голос. Разговор шел на повышенных тонах.

«Кого он там распекает?»

Лавров был не из тех, кто привык строить догадки и дожидаться, когда неприятности настигнут его сами. Толкнув дверь, очутился в длинном коридоре, в дальнем его конце стояли двое военных. Одного из них он узнал сразу — прапорщик Потапов, инструктор по огневой подготовке.

— И как это называется, товарищ прапорщик? — Московский полковник нервно махал рукой, в которой сжимал лист отчета.

Прапорщик пожал плечами и, втянув голову в плечи, выслушивал выпады полковника.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — только теперь, когда комбат подошел вплотную к проверяющему, почувствовал, что тот с «хорошего» похмелья.

— Здравствуй, майор! — Проверяющий буквально испепелил Лаврова взглядом покрасневших глаз.

— Разрешите узнать, в чем проблема?

— Дело в том, майор, что твой подопечный израсходовал на гарнизонных учениях трехмесячный лимит боеприпасов, — произнес полковник, — и не постеснялся отразить эту преступную цифру в отчете.

— Это правда, товарищ прапорщик? — Лавров посмотрел на Потапова.

— Так точно, товарищ майор, я не привык писать липу. — Прапорщик был немолодой, но голос дрог-

нул, как у подростка, оправдывающегося перед родителями.

— Вот видишь, я же вам говорю. А вдруг он их бандитам продал или, того хуже, террористам? — спросил полковник. — Все может закончиться судом. Я такие дела без наказания не оставляю.

— Если бы я крал, — вставил прапорщик, — то цифру бы расходов подогнал бы к нормативам.

— Каждый истраченный патрон из твоей зарплаты вычту, и все равно под суд пойдешь.

Майор Лавров в душе улыбнулся. Все происходящее было, по большому счету, комедией, ведь все трое прекрасно знали, что прапорщик ни в чем не виноват. А тут еще прозвучали и идиотские догадки проверяющего насчет бандитов и террористов.

«Не к чему в военном городке придраться, так вот нашел... Прапорщикам всегда достается...» — подумал Лавров.

— Прапорщик Потапов, сколько заплатили вам бандиты? — серьезно спросил майор.

— Эти боеприпасы ушли на тренировку бойцов, вы же знаете, — кротко ответил Потапов, — если виноват, отвечу.

— Товарищ полковник, разрешите разобраться в этом деле лично мне. Я суров, но справедлив. Ну какой государству будет толк, если этого «куска» под суд отдать? Отсидит и вернется! А я ему тут такую сладкую жизнь устрою.

Полковник призадумался, но не замедлил с ответом:

— Майор, я тебя хоть хорошо не знаю, но вижу, что у тебя это получится не хуже моего.

— Я обязательно разберусь в происшедшем, и немедленно. Прапорщик Потапов, пройдите в мой кабинет.

— Пожестче с ним, — сказал напоследок проверяющий.

— Непременно, я ему устрою сладкую жизнь, товарищ полковник.

Когда дверь в кабинет захлопнулась и ключ повернулся в замке, Лавров сел за стол. Прапорщик разместился напротив.

— Товарищ майор, да не крал я эти патроны...

— Хватит, — остановил его Лавров, — я знаю, что ты этого не делал. Боеприпасов, выделяемых для тренировок по нормативам, не хватает. Твоей вины здесь нет, скорее это упущение тех, кто составляет эти нормы. Они уже забыли, как стрельбище выглядит.

— Так, а что же будет со мной?

— Устрою тебе сладкую жизнь. Ты все правильно делал. Если десантник не умеет стрелять — грош ему цена. А то, что у нас занижены лимиты на боеприпасы, — это пусть тыловые крысы разбираются. На казенные дачи и сауны для генералов у них деньги есть, а на патроны для учебных стрельб — нету...

Продолжить разговор с прапорщиком ему не дал телефонный звонок.

— Да, понял. Буду! — Майор Лавров опустил трубку на рычаги. — В штаб авиабазы срочно вызывают. Мы уж как-нибудь в следующий раз продолжим твое перевоспитание.

— Спасибо за все, товарищ майор.

Лавров стоял в скромно обставленном генеральском кабинете и разглядывал носы своих ботинок.

Командир дивизии генерал-майор Павлов, как всегда, выглядел загадочно.

— Проходи, майор!

— Вызывали, товарищ генерал? — спросил Андрей Лавров, хотя знал точный ответ.

— Вызывал, вызывал... — протянул генерал. — Как служба?

— Нормально.

— Не надоели проверяющие?

— Есть немного, — признался майор, — бумаги по каждому поводу писать приходится.

— Да, эта работа не для тебя, — генерал Павлов улыбнулся, — могу тебя порадовать, — он взял с края стола папку, открыл, — ознакомься с приказом!

— Снова совместные учения?

— Ты отправляешься в составе инспекционной комиссии на Дальний Восток. Проверка «точек» на боеготовность, заодно демонстрация новой техники.

— Товарищ генерал, разрешите спросить... А почему именно я?

— Паркетных шаркунов из «арбатского военного округа» обмануть можно. А ты всю жизнь армии отдал, тебя не обманешь...

— А что за новая техника?

— Новый всепогодный многоцелевой боевой вертолет, «Ростехвооружение» передало в ДальВо — Дальневосточный округ, для испытаний единственный экземпляр. Разработчик — конструкторское бюро Миля. Оценишь возможности в экстремальных условиях... Ты же десантник!

— А как вертолет называется, случаем не «Черная акула»?

— Это прошлое, майор. Сейчас на дворе двадцать первый век и техника соответствующая, — произнес генерал, — а вертолет «Барракуда» куда помощнее. По крайней мере, это все, что удалось мне узнать. Остальное будет известно на месте. Понятно?

— Куда понятней, товарищ генерал. Все, что угодно, только с проверяющими распрощаться.

— Я их на себя возьму. Да, и отправишься ты не один, а со старшим лейтенантом Бархановым.

— Это все, товарищ генерал? Можно идти?

— Иди. Удачи, майор! — Генерал Павлов устало вздохнул и посмотрел на огромную стопку папок на столе, успевших накопиться за первую половину недели.

* * *

Тихоокеанские волны — зрелище впечатляющее. Не слишком сильный по местным понятиям шторм, поднявшийся на море два дня назад, никак не унимался. Острые гребни волн искусно шлифовали прибрежные волнорезы. Чайки, кружившие над водой, одна за одной опускались, выхватывая из мутной воды рыбу и вновь взмывали, направляясь к сухогрузам, пришвартованным у причалов. С мачт, с высоких кранов, закрепленных на судах, падали чешуя и рыбы хвосты. Пронзительные голоса морских птиц разносились по всему порту. Каждая из них замолкала лишь на время трапезы, но в это время вступали другие.

Туманная дымка, затянувшая прибрежный город, не хотела рассеиваться уже третий день. Сыпался

дождь, смешанный со снегом, хмурое небо изредка отзывалось раскатами грома. Дальневосточный город мало чем отличался от других портовых городов восточной России: те же стандартные коробки домов, улицы в заплатках асфальта, причалы, склады, набережная, сложенная из бетонных плит. Еще пару дней тому назад была оттепель. Народ гулял на набережной, а сейчас она пустовала, штормовой ветер играл пивными бутылками, катая их по бетонным плитам. Пластиковые уносил вдаль, а стеклянные перекачивались, срывались за ограждения, падая вниз, ударялись о камни, разлетались вдребезги, звенели зеленым и коричневым стеклом о пляжную гальку.

К набережной, как к сердцу города, сползались ленты улиц: узеньких и широких. Они сходились у главной площади портового города. В ее центре возвышался памятник вождю революции, он, как и высотные краны, тоже не остался без внимания прибрежных чаек. Правая рука вождя была вытянута вперед, оттопыренный указательный палец указывал на ветхое здание школы, каменные губы застыли в еле заметной улыбке и словно говорили: «Учиться, учиться и еще раз учиться». Правда, не уточняя, у кого и чему. Так что каждый был волен трактовать их по-своему. Все чему-нибудь и у кого-нибудь да учатся — и плохому, и хорошему.

К окраине города примыкал недавно построенный коттеджный поселок. Металлочерепичные крыши коттеджей яркими насыщенными цветами разительно отличались от серого городского архитектурного ансамбля. Вычурные формы частных домов выглядели укором однообразным хрущевским и брежневским

бетонным коробкам. В поселке жизнь шла своим чередом, независимо от той, которая протекала в городе. Простым горожанам казалось, что там обитают не простые смертные. И машины у них «с нуля», и стекла в окнах сплошь затемненные, и экзотические растения прижились, разрослись за пару лет, словно в джунглях. Но и в самом поселке «бог не ровно делил»...

Трехэтажный дом, архитектурой напоминавший средиземноморскую виллу, высился на горе, с которой как на ладони был виден весь город. Колонны, выполненные с намеком на античный стиль, украшенные ультрасовременной лепниной, прикрывали главный фасад здания. Место на горе было самое почетное. Чтобы заполучить его, пришлось выкупить и сломать пять частных домиков, простоявших там с полсотни лет. Человек, проживающий в доме, пользовался авторитетом не столько у местных жителей, сколько у всей городской администрации.

— Алло... Да, семьдесят пять цистерн сырой нефти?.. И сколько?.. Нет, сам не возьму... Могу подсказать... Свяжись с Красноярском, предложи им, если согласны, по курсу Московской товарно-сырьевой биржи на алюминий поменять — будет разговор. Алюминий я возьму. Он в нашем порту находится, а пока твоя нефть пол-России проедет, я только деньги заморожу...

Бизнесмен, Николай Павлович Ставропольский, продолжая говорить, поднялся с дивана, шагнул к барной стойке. Выбор спиртного не оставлял надежды, что можно отойти, не хлебнув чего-нибудь. Поправив сбившийся набок галстук, пожилой лысею-

щий мужчина плеснул в толстостенный стакан виски, вслед за жидкостью в стеклянную емкость упал кубик льда.

— Что еще? Лес-кругляк... У корейцев? Опять левый? А как я по документам его проведу? Если только цену сбросят... Жду! — Выключив мобильник и отложив его в сторону, Ставропольский устало зевнул.

Вновь опустившись на диван, он с грустью посмотрел на стену, где в небольших позолоченных рамках красовались старые почетные грамоты, свидетельства, украшенные красными знаменами и гербами СССР. Сегодняшний бизнесмен смотрел на них, вспоминая не менее славные времена своей жизни при советской власти. Над столом покачивался подвешенный к потолку макет вертолета. Лопасты винта лениво вращались — приводились в движение ветром маленького вентилятора, закрепленного прямо под ним. Отхлебнув шотландского виски, Ставропольский скривил губы, потянулся к вибрировавшему мобильнику, глянул на номер. Зазвучала полифоническая мелодия.

— Опять ты? И что — меня все же пригласили? Не спрашивали? Вспомнили старые заслуги авиатора. Так ведь... не по чину, я лицо гражданское. Ну, спасибо... Жду, приедешь — расскажешь подробнее.

— Что, ты все по телефону говоришь? — В гостиную вошла молоденькая девушка.

Расчесывая на ходу длинные черные волосы, Маша направилась к деду. Красивое смуглое лицо, крупные глаза, стройная фигура и спадающие на плечи пышные волосы делали ее привлекательной не по годам, хотя ей и было всего ничего — шестна-

дцать лет. Ставропольскому не раз приходилось объясняться с ее постоянно меняющимися кавалерами, в основном это были взрослые мужчины, а некоторые из них были даже женаты. Бизнесмену не хотелось, чтобы внучка так рано вступала во взрослую жизнь.

«Всему свое время, — поучительно говорил он ей, — уж поверь мне, я-то пожил и знаю. Им от тебя надо только одно...»

«Что ты такое говоришь? Это всем мужчинам надо. И мужу от жены, кстати, тоже...»

«Деньги им мои от тебя нужны и связи».

Но девушка лишь отмахивалась, не желая слушать умудренного жизнью деда. Такое отношение сильно злило Машу, и она не раз сбегала из дома. Но связи Ставропольского были безграничны, его люди, милиция тут же прочесывали город и приводили непослушную девушку домой.

— Чего тебе, внучка? — Бизнесмен протер слипающиеся глаза.

— Я пойду сегодня на дискотеку, и мне нужны деньги. Я не собираюсь все время сидеть дома, — девушка опустилась на мягкий диван, — золотая клетка хоть и просторная, но все же клетка...

— Мы уже говорили с тобой на эту тему.

— Ты же знаешь, если я захочу...

— Прекрати. Денег мне не жалко. Просто ты слишком молода, чтобы шляться по танцам.

Девушка поджала ноги, одернула короткую юбку и, достав помаду, начала красить губы.

— Давай тогда куда-нибудь в Европу на недельку съездим! Сколько можно в этой дыре прозябать?

— Не могу. Меня послезавтра на полигон пригласили. — Ставропольский допил остатки виски.

— То бизнес у тебя, то твои жлобы в гимнастерках.

— Кто? — удивился бизнесмен.

— Ну... военные...

— Я сам погоны носил, ты знаешь, — Ставропольского слегка передернуло, по телу прошлась неприятная дрожь, — не смей называть военных жлобами.

— Все равно жлобы, а строят из себя... погано смотреть. — Девушка закончила красить губы.

— Ты мне это прекрати. — Дед посуровел, лицо медленно наливалось краской.

— Как хочу, так и буду называть. — Маша встала с места и направилась к бару.

— Может, ты еще и при мне пить станешь? — Ставропольский заметил, как девушка откупорила бутылку мартини и пододвинула к себе бокал.

— А вот это я как-нибудь сама решу. Твое мнение насчет спиртного мне абсолютно неинтересно, — Маша улыбнулась, — могу и сигару закурить. Я шучу. — Мартини потекло из бутылки.

— Поставь стакан! — Бизнесмен побагровел.

— Я совсем немного. Ты бы радовался, что я от тебя не прячусь. Мои сверстницы в городе водку стаканами пьют, — вновь улыбнулась девушка.

И когда бизнесмен был готов взорваться, а скандал разгореться по полной программе, в гостиной появился невысокий накачанный мужчина. Подойдя к бизнесмену, он с уважением пожал протянутую ему руку.

— Здравствуйте, Николай Павлович.

— Привет, Витя. А ты, однако, быстро, не ожидал, что так скоро приедешь. — Ставропольский изменился в лице и тут же сделал вид, что забыл про ссору с внучкой.

— Как дела, Маша? — безразлично, но вежливо обронил невысокий накачанный мужчина.

— Нормально, — сухо ответила девушка, при этом на ее лице появился еле заметный румянец.

Мужчины замолчали, давая понять, что им нужно поговорить наедине. Бросив не слишком уважительный взгляд на бизнесмена, внучка вышла из гостиной, напоследок сильно хлопнув дверью.

— С характером! — подытожил Витя, присаживаясь рядом со Ставропольским.

— Вся в меня, — то ли с гордостью, то ли с сожалением в голосе произнес бизнесмен, — ладно, давай к делу.

* * *

С высоты птичьего полета вертолетная часть казалась лишь небольшой заплаткой, затерявшейся среди дальневосточной глуши и непроходимой тайги. На многие километры от нее не было и следа пребывания человека — деревья, сопки, снег да лед. Гуляла метель, отзываясь нудным завыванием в верхушках деревьев. Ни автострад, ни железных дорог. Самым надежным средством передвижения в здешних краях был вертолет. Но если погода нелетная, приходилась ждать, и счет шел не на часы, а на дни. А уж если зарядила непогода, налетел какой-нибудь циклон, то могла пройти и неделя целая. Можно

было пробраться к военной части и на машине, дороги, конечно, неасфальтированные, но зимой непролазной грязи нет, а от глубокого снега их расчищали бульдозеры лесозаготовителей. Правда, если застрянет машина на полпути, пиши пропало.

Крупные хлопья снега стремительно проносились по крышам ангаров. Высокий забор, обрамляющий вертолетную часть по периметру, казалось, вот-вот согнется под сильными порывами ветра, а столбы вырвет с корнем, как при урагане. Свет от прожекторов на вышках ходил ходуном, вырисовывая на белом ковре вертолетной части причудливые тени. Охрана, находившаяся у ворот КПП, укрылась от сильного ветра, засев в маленькой, но теплой и уютной будке. Кто в такую непогоду, кроме смены, рискнет выбраться на открытое пространство к воротам, кто попытается пробраться в вертолетную часть?

В одном из ангаров горел яркий свет. С внутренней стороны у входа дежурили двое широкоплечих мужчин в камуфляже. Они то и дело выглядывали на улицу через застекленный прямоугольник окна. Автоматы держали наготове, словно потенциальный противник уже был где-то рядом и крался к ним, сжимая в руке холодную рукоять ножа. Но эта была не вся охрана — двое других спецназовцев совершали обход ангара, не побоявшись выбраться на улицу в метель. Бульдозер прочищал выезд к взлетной площадке, на которой дымил выхлопной трубой потрепанный тягач.

В центре ангара величественно возвышался новенький вертолет, его лопасти отбрасывали тень на троих людей, топтавшихся рядом с машиной. Тща-

тельно отполированный фюзеляж при желании мог служить зеркалом, чем и воспользовался один из мужчин в кожаной летной куртке — поправил расческой на голове пробор.

— Такого красавца я еще не видел. — Высокий полковник с залысиной провел рукой по блестящей поверхности вертолета. — Владимир Александрович, — уважительно, по имени-отчеству обратился он к летчику-испытателю с погонами майора на плечах, — как, вы сказали, он назывался во время разработок? Никак не могу запомнить.

Поправив сбившийся пробор, Пожарский улыбнулся:

— Рабочее название было «Скат», а потом остановились на другом — «Барракуда», Олег Константинович, «Барракуда».

— Звучно. Вижу, у нас в «Ростехвооружении» без дела не сидят. Да и тебе повезло. Управлять такой штуковиной, наверное, одно удовольствие, — полковник — командир вертолетной части блеснул залысиной.

— Да, мне, как летчику-испытателю, оказали огромную честь, доверив довести эту «вертушку» в экстремальных условиях.

— «Ростехвооружение» — предприятие солидное, занимается экспортом всех видов обычных вооружений, модернизацией военной техники, строительством военных объектов за рубежом. Но чтобы они такой вертолет создали, интересно... — Полковник задумался. — Наверное, по техническим характеристикам схож с «Черной акулой».

Борттехник и несколько механиков ждали поодаль

от вертолета, прислушиваясь к разговору командира вертолетной части и пилота. Свою часть работы они сделали, все системы проверены, отрегулированы вертикальные и горизонтальные стабилизаторы, широкие аэродинамические гребни хвостового оперения. Вертолет был готов к взлету, но день основных испытаний еще даже и не назначили. Никто не хотел рисковать в плохую погоду — неудача в испытаниях сулила большие неприятности и увольнение с занимаемой должности. Пока имелось разрешение провести лишь пробный полет.

— «Черная акула» уже прошлый век. Это совершенно новая машина, аналогов которой нет. Так что, если испытания пройдут успешно, Россия вступит на новый уровень вертолетостроения. Военные других стран еще только мечтают о подобном...

— Красиво говоришь, Владимир Александрович, аж дух захватывает, — произнес полковник, — управлять им, наверное, трудно.

— Вертолет имеет централизованную архитектуру, обеспечивающую максимальную интеграцию с системами управления, что значительно облегчает управление «вертушкой», — словно прочитав выдержку из описания, произнес испытатель.

— А как он в бою? — полковник заинтересовался рассказом пилота и не скрывал возрастающий интерес.

— «Барракуда» оснащена приемником предупреждения об облучении радаром и автоматически включает «прозрачный» режим, то есть мгновенно пропадает с экранов радаров. Ну и само собой — система предупреждения о пуске ракет.

— А со скоростью как?

— Максимальная скорость триста километров в час.

Полковник присвистнул:

— Для вертолета это круто! — Полковник погладил рукой лысину. — Вот только не могу понять одного — обычно экипаж военного вертолета такого класса состоит из пилота, летчика-штурмана, борттехника. Тут в экипаже только двое: пилот и борттехник. Мне, как вертолетчику, это непривычно.

— Вам это кажется странным, но вертолет напичкан электроникой, она и выполняет всю работу, которую раньше делали люди. Ничего невозможно замысловатого здесь нет, вот почему с машиной в полете управляются двое: я и борттехник. Этого вполне достаточно. В принципе это и есть главное — электроника, вот что тут самое ценное. И поверьте мне, это сердце вертолета, — пилот постучал по фюзеляжу вертолета, — сердце «Барракуды».

Командир вертолетной части проникся искренним уважением к пилоту.

«Вот таких специалистов бы, да побольше. Молодой, амбициозный, с техникой на «ты», — подумал он.

— Это я обо всем в последнюю очередь узнаю, — улыбнулся полковник, — мое дело только обеспечить испытания. А вы, видимо, давно в курсе, что со дня на день прибудет группа офицеров-десантников, практиков, как раз и посмотрят испытания «вертушки», оценят по достоинству. Кстати, а почему эту машину в такую глушь загнали?

— В европейской части России продемонстрировать ее не стоит. Не хотим светить раньше времени. Аме-

риканцы там постоянный спутниковый мониторинг ведут, утечка информации... Мало ли что? А тут — глушь, посторонних нет. Да и условия здесь экстремальные, — пилот взглянул на часы, — пробный полет хорошо пройдет. Для него даже сегодняшний ветер не помеха.

— Это правильно, нечего им знать о наших достижениях, — проговорил полковник, — посмотрите полигон, где предстоит демонстрировать новые возможности «вертушки», он в десяти километрах отсюда.

— Ну что, вывезем его на площадку?

Тягач с урчанием вытянул вертолет из ангара. Метель на улице поутихла, в воздухе воцарилось относительное спокойствие. Прожектор на вышке выхватил лучом света из темноты тягач и осветил дорогу к площадке. «Барракуду» выкатили на площадку и поставили возле дежурного вертолета «Ми-28».

— Сразу видна разница! — Полковник улыбался, сравнивая «Барракуду» со старым вертолетом. — Такая же, как между молодой красоткой и древней беззубой старухой.

— Хотите осмотреть вертолет изнутри? — Пилот посмотрел полковнику в глаза. — Я, конечно, понимаю, что это нарушение инструкции, но для вас можно сделать исключение.

Командир вертолетной части не ожидал подобного предложения от представителя «Ростехвооружения».

«Когда еще посидишь в подобной машине», — подумал полковник.

— А это возможно? — еще раз уточнил он.

— Для вас да. — Пилот загадочно улыбнулся.

Открыв полковнику кабину, Владимир Пожарский произнес:

— Только ничего не трогайте, начальство не поймет, если что-нибудь произойдет... А я пока «Ми-28» осмотрю, давненько не приходилось летать на такой машине.

— Ради бога, — полковнику было уже не до испытателя, он был поглощен созерцанием приборов «Барракуды».

Пожарский подошел к старому вертолету, походил вокруг него, присел на корточки, после чего забрался в кабину. Минут через десять из «Барракуды» выбрался полковник, его лицо светилось от счастья.

— Столько хрени электронной. Так и не разобрался, что к чему, — честно признался он.

— Абсолютно новый подход к управлению машиной и контролем за системами. И я долго все изучал, пока все не запомнил, — снисходительно бросил испытатель, — а как у вас здесь с топливом? Я знаю, что в ДальВО всегда чего-то не хватает, потому что дорог практически нет.

Полковник устроился на сиденье рядом с представителем «Ростехвооружения».

— Да, все топливо пришлось для «Барракуды» слить. Только в этом «Ми-28» еще осталось, он ведь дежурный. А так весь вертолетный парк с пустыми баками стоит.

— А если пожар в тайге или еще что-нибудь? Что делать будете?

— Придется дежурным обходиться. «Ми-28» еще никогда не подводил.

- Кстати, я бы в город съездил. «УАЗ» дадите?
— Даже с водилой, — улыбнулся полковник.
— Хорошо. Только водителя я отпускаю, сам за руль сяду. У меня тут подружка, — доверительно произнес Пожарский, — сами понимаете...
— Все мы мужики... Езжай, майор, — полковник пожал руку испытателю.

ГЛАВА 2

Поселок корейцев-лесорубов с виду напоминал скорее эковскую зону, чем место, где проживают свободные рабочие. Колючая проволока, тянувшаяся поверх высокого бревенчатого забора, окончательно отбивала охоту у смельчаков через нее перебраться. Вышки для автоматчиков. Рубленые бараки, сложенные из свежих бревен, еще пахли смолой, а прорезанные в них окошки были настолько малы, что при желании и голову наружу не высунешь. Коммунистические лозунги были развешаны везде, где только возможно. На это в Северной Корее денег не жалеют. Они вещали иероглифами божественные заповеди идола корейской революции. Не скрыться было и от портретов великого вождя Ким Ир Сена и его сына — любимого руководителя Ким Чен Ира, нынешнего лидера Северной Кореи. Хотя первого уже и нет в живых, но официально Ким Ир Сен продолжает считаться в Пхеньяне реальным руководителем государства. Мертвец — «живее всех живых», парадокс, но при диктаторских режимах и не такое возможно. «Великий Вождь» и «Любимый Руководитель» — это не эмоции корейцев, а абсолютно официальные титулы.

На российском Дальнем Востоке северокорейские лесозаготовители обосновались недавно. По соглашению между правительствами Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики в Хабаровский край в середине девяностых прибыли северокорейские лесорубы. Для обеих сторон дело выгодное: часть поваленного леса остается в России, а часть идет в безлесный Пхеньян. Для местных властей — полная выгода и никаких проблем с иностранцами. В поселках северных корейцев своя администрация, своя служба безопасности, даже свои суды. В общем, маленькое государство со своими законами внутри другого, своеобразное гетто. Выходить за пределы которого строжайше запрещено — только на работу. Чтобы следить за порядком, в каждом поселке есть свои северокорейские гэбэшники — а то подопечные «русской буржуазной заразы нахватаются». Для России работа северных корейцев выгодна, ни копейки не стоит, а лес — он сам по себе растет. Рассчитываются с лесорубами в Пхеньяне, к тому же ничего не стоящими северокорейскими вонами. А работать в России на Дальнем Востоке для корейца за счастье. Накормлен, одет, а на родине, в Северной Корее, народ траву ест. Ким Чен Ир в это время ядерную программу разрабатывает, отцовские идеи чучхе в народ продвигает.

За такое отношение к жизни своих граждан КНДР была включена США в «черный список» наряду с Кубой, Туркменистаном и прочими диктатурами. А русским что от этого? Пусть себе туркменбаши и любимый руководитель — сукины дети, но это свои сукины дети. Только однажды русским пришлось пострадать

от главного корейца, когда Ким Чен Иру вздумалось отправиться в Москву из Пхеньяна личным поездом — в результате железной дороге пришлось поломать весь график пассажирских поездов на Дальнем Востоке и в Сибири. Масса россиян опоздали по своим делам и материли тогда товарища Ким Чен Ира на чем свет стоит. Прямой ущерб из-за капризов диктатора составил несколько миллионов долларов.

Самый большой деревянный барак в поселке лесорубов был забит до отказа. Здесь всегда происходили открытые партсобрания. Стол президиума, крытый кумачом, стоял на возвышении в конце просторного помещения, которому больше бы подходило название «сарай», если бы не две печки, сложенные умелыми корейскими руками, чего-чего, а дров в тайге хватало. Ряды самодельных стульев, табуреток с уложенными на них досками, заполнились — ни одного свободного места. А те, кто вернулся с дальних высечек, стояли, подпирая стены. Невысокий кореец, с зачесанными набок черными волосами, руководитель службы безопасности поселка, секретарь парторганизации — Ли Эр Йон, толкал речь. В моменты, когда он замолкал, слышно было, как жужжит ожившая в тепле муха, так внимательно слушали Ли Эр Йона, взвешивали каждое слово и время от времени синхронно кивали. Этаким съезд коммунистической партии из советского прошлого, только депутаты не в добротных костюмах, а в истертых ватниках и все узкоглазые. Оратор резко поднял руку, прокричал здравицу любимому руководителю всех корейцев, да так громко, что сидевшие в первом ряду чуть не позатыкали уши, но это было бы

расценено как антикоммунистическая пропаганда. Потом обвел присутствующих хищным взглядом, прищурил и без того узкие глаза, наполнил стакан водой из графина. Ударил кулаком по столу и вновь ринулся в словесный бой.

Со слов парторга выходило, что бригадир лесорубов Чой Ен Сун — враг народа. Вчера во время работы он потерял в глубоком снегу значок с изображением Ким Ир Сена. Всем корейцам такие значки выдаются в обязательном порядке, и потерять его — то же самое, что предать Родину. Бригадиру было оказано доверие — парторг дал ему ночь на поиски, но священное изображение вождя так и не отыскалось.

У возвышения стоял немолодой кореец с поникшей головой и почерневшими, отмороженными за ночь бесплодных поисков ушами. Всю ночь провел в лесу — удирать к русским даже не помышлял, все равно милиция потом привезла бы его в поселок и сдала службе безопасности. Именно он и стал сегодняшним козлом отпущения. Оправдываться было нечем: глядя на портрет любимого руководителя Ким Чен Ира, висевший за спиной у оратора, он лишь шептал о полном признании вины и утрате революционной бдительности. В глазах читался страх, ноги подгибались, еще чуть-чуть, и он бы потерял сознание. Лица слушающих были суровы, десятки глаз с осуждением смотрели на бригадира, его готовы были разорвать на части, как беспомощную мышь, попавшую в лапы проголодавшегося кота. И не за то, что потерял значок, бригадир — все же шишка по лагерным понятиям, и он успел нажить себе врагов среди рядовых лесорубов.

Парторг остановился, в зале повисла тишина. Ли Эр Йон бросил испепеляющий взгляд на бригадира и начал зачитывать проект решения партсобрания, из которого следовало, что товарищ Чой Ен Сун утратил революционную бдительность и должен понести суровое наказание. Это могло означать лишь одно — дело врага народа передается в народный северокорейский суд, находящийся здесь же, в поселке. Мерзавец и пособник американских империалистов достоин сурового наказания — как минимум, тюремного заключения.

Собрание подошло к концу, настала финальная часть — голосование. Все присутствующие дружно подняли руки, бригадир Чой Ен Сун единогласно был признан виновным. И никого не удивило, что к врагу народа тут же подошли двое охранников, бригадир покорно заложил руки за спину, и его повели к выходу. Под гневные крики собравшихся бригадир покинул барак. Загремели доски, табуреты, составлялись к стенам стулья.

Выйдя на крыльцо, парторг закурил. Подняв меховой ворот кожаного плаща, он жадно затянулся. Буржуазные сигареты «Мальборо» с отломанными фильтрами были предусмотрительно переложены в корейскую бумажную пачку. Хлопья снега опускались на черные волосы. В небе послышался стрекот винтов, Ли Эр Йон запрокинул голову. Над поселком пронеслась «вертушка» непривычных очертаний — быстро скользнула по небесной глади и в считанные секунды исчезла из виду. Кореец проводил вертолет задумчивым взглядом.

Ветер, пришедший с моря, все еще бушевал над дальневосточным портовым городом. В зале, где собрались приехавшие из Москвы и с Нижнего Поволжья, царила легкая нервозность. Но несмотря на нее, в помещении чувствовался уют, ведь в окна бил мокрый снег, и даже сверкнула пара молний. Устроившись в одном из кресел, майор Лавров разглядывал присутствующих, среди которых были гражданские из «Ростехвооружения», полковники и подполковники, прибывшие на Дальний Восток из Москвы. Старший лейтенант Барханов сидел рядом с майором, и было件нятно, что происходящее столпотворение его раздражает.

— Не люблю такие собрания. Шумно, как на базаре, — вполголоса произнес старлей.

— И не говори, — отозвался майор, — но иногда бывает полезно посмотреть на гостей из Москвы, строят из себя генералов, хотя сами и до полковников с трудом добрались. В такие моменты понимаешь, почему на один толковый приказ два дурацких приходят.

Присутствующие рассаживались, в зал вошел полковник Рылеев, руководитель испытаний. Тут же поднял руку, предупреждая традиционное в таких случаях «товарищи офицеры...». Пройдя к массивному столу, он запрокинул голову и попросил минутку молчания.

— Здравствуйте, господа и товарищи, — Рылеев откашлялся. — Нас собрало здесь вместе совер-

шенно выдающееся и секретное дело. Нам выпала честь участвовать в испытаниях нового вертолета, произведенного конструкторским бюро Миля. Именно от нашей принципиальности, непредвзятости и будет зависеть дальнейшая судьба самого современного отечественного вертолета, «Барракуды». Россия находится на новом пороге... В «Барракуде» воплощены все новейшие достижения...

Старлей отвел взгляд и улыбнулся.

— Сейчас начнет про перспективы развития отечественного авиастроения заливать.

— Послушаем, может, что-нибудь конкретное и услышим, — произнес майор.

— ...вертолет был доставлен по железной дороге в пенале, затем автотранспортной платформой в летную часть. Пробный полет прошел успешно, — продолжил полковник, — в последний момент в состав комиссии были включены и представители спецназа ВДВ ГРУ. Вертолет создавался как многоцелевой, и им предстоит оценить его преимущества на практике. Хотя использование «Барракуды» в качестве десантного средства при проведении диверсионных и антитеррористических операций лишь одна из возможностей. Заметим, не главная. Тем не менее: майор Лавров и старший лейтенант... — полковник тщетно искал в бумагах фамилию «Барханов», и старлею пришлось назваться самому, — а теперь, господа, — последнее слово Рылеев произнес фальшиво, с усилием, но одновременно и с удовольствием, — можете ознакомиться с техническими характеристиками «Барракуды», правда, пока только на бумаге, и с программой испытаний, — Рылеев указал